

Мезинов Д.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт
Национального исследовательского
Томского государственного универ-
ситета

ЦЕЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И СТАНДАРТ «ВНЕ РАЗУМНЫХ СОМНЕНИЙ»

Вопрос о цели доказывания в уголовном процессе в современной научной дискуссии конкретизируется следующим образом: является ли целью доказывания в отечественном уголовном процессе так называемая объективная истина, либо в качестве цели более правильно рассматривать иную по характеру истину, например, юридическую, судебную, формальную, презумпционную? Следует отметить, что к настоящему времени большинством ученых в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе рассматривается объективная истина, называемая также материальной истиной, под которой еще с советского периода принято понимать «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела» (М.С. Строгович).

Думается, значение рассмотрения в качестве цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказывания в отечественном уголовном процессе объективной истины в целом необходимо признать. Это соответствует формированию отечественного уголовного процесса в континентальной правовой системе (Л.В. Головкин). В то же время реальные выводы об устанавливаемых фактах, к которым должен прийти суд при разрешении уголовного дела, более правильно называть не объективной истиной, даже если он стремился достичь таковую, а уголовно-судебной достоверностью или практической достоверностью либо, используя мнение части еще дореволюционных ученых, еще точнее называть такие выводы юридической или судебной истиной (Л.Е. Владимиров, В.К. Случевский, Н.Н. Розин). Под юридической (судебной) истиной здесь понимаются полученные судом (а в определенных случаях и органом уголовного преследования) при стремлении к достижению объективной (по своему содержанию) истины и строгом соблюдении требований уголовно-процессуальной формы, основанные на его внутреннем убеждении

(при отсутствии разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения.¹

Субъектам доказывания, уполномоченным принимать решение по существу уголовного дела, к которым относится суд, а в известных пределах и органы уголовного преследования, необходимо руководствоваться определенными критериями достижения обозначенной выше в виде цели доказывания юридической (судебной) истины. В уголовном процессе континентальной правовой системы, включая отечественный уголовный процесс, в качестве такого внутреннего критерия для данных субъектов доказывания принято рассматривать наличие у них внутреннего убеждения в соответствии объективной действительности (тому, что было «на самом деле») полученных ими выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления. Именно оно является (должно являться) спусковым механизмом, обуславливающим принятие судом (а в известных пределах и органом уголовного преследования) обоснованного достигнутой целью доказывания процессуального решения по существу уголовного дела, вызывающим у данного субъекта доказывания соответствующую решимость. Очевидно, что это субъективный критерий.

При этом процессуалистами континентальной правовой системы признается то, что отмеченная разумная уверенность субъекта доказывания не должна и не может иметь характер абсолютной, полной несомненности (В.К. Случевский). В то же время вопрос о том, какое по характеру (степени) внутреннее убеждение должно сформироваться у субъекта доказывания при принятии им решения по существу уголовного дела, не теряет актуальности для уголовного процесса континентальной правовой системы. В поисках ответа на этот вопрос уместно обратиться к характерному исходно для уголовного процесса англо-американской правовой системы объективному критерию достижения цели уголовно-процессуального доказывания, именуемому стандартом доказывания «вне разумных сомнений».

«Стандарт «за пределами разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), сформировавшийся в Англии во второй половине XVIII в., означает, как явствует из его названия, что в достоверности факта (виновности обвиняемого по уголовному делу), – пишет С.Л. Будылин, – не должно остаться разумных сомнений. Это не обязательно означает, что в его достоверности нет вообще

ни тени сомнения (*beyond a shadow of doubt*), а означает лишь, что все альтернативные возможности объяснения представленных доказательств являются чрезвычайно маловероятными (*it is possible but not in the least probable*)»².

Как видно, доказывание «вне разумных сомнений» означает при принятии решения в ходе мыслительной деятельности субъекта доказывания исключение не всех абсолютно сомнений в соответствии полученных им выводов действительности (тому, что было «на самом деле»), а только разумных сомнений, поскольку некоторые («неразумные») сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Разумные сомнения, соответствующие всем иным разумным версиям устанавливаемого события, кроме одной разумной версии, подтвержденной доказательствами и включенной в окончательные выводы субъекта доказывания, должны быть устранены. Такие разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта доказывания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными, а какие невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде отвергнутых версий).

Полагаю, что использование стандарта «вне разумных сомнений» в уголовном процессе континентального типа (включая отечественный уголовный процесс) предостережет от понимания характерного для этого процесса субъективного критерия – внутреннего убеждения как полной абсолютной несомненности и в то же время поможет субъекту доказывания ориентироваться не на простой «перевес доказательств» (стандарт, характерный для гражданского процесса англо-американской правовой системы), а на веские и убедительные доказательства виновности обвиняемого, тем самым более точно определять характер (степень) внутреннего убеждения, необходимый для принятия решения по существу уголовного дела.

Как верно отмечает С.Л. Будылин: «В самом деле, для достижения судьей «внутреннего убеждения» в истинности того или иного факта недостаточно, по-видимому, простого перевеса доказательств в пользу того, что этот факт имел место, а требуются доказательства существенно более убедительные. Судя по тому, что на основании принципа «внутреннего убеждения» разрешаются уголовные дела, а соображения о настоятельной необходимости

предотвращения судебных ошибок в уголовных делах вполне универсальны, можно предположить, что стандарт «внутреннего убеждения» примерно соответствует англосаксонскому стандарту «за пределами разумных сомнений». Это звучит вполне логично, ведь «у судьи не осталось разумных сомнений в виновности обвиняемого», – это по сути то же самое, что судья внутренне убежден в его виновности»³.

В связи с вышеизложенным полагаю, что имеются основания не согласиться с мнением отдельных авторов, по сути, отвергающих приемлемость стандарта «вне разумных сомнений» для отечественного уголовного судопроизводства (Г.К. Смирнов). Так, прежде всего остается не ясным, каким критерием достижения цели доказывания вместо этого стандарта необходимо будет руководствоваться. Видимо, авторы полагают, что вместо «разумной доказанности» должна быть «абсолютная» доказанность или внутреннее убеждение при отсутствии всякого сомнения?

Но возможно ли внутреннее убеждение «вне всякого сомнения» у *вменяемого, объективно и разносторонне* (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах, будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неусыпным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии.

В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорами, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельств каждого совершенного преступления был бы бесконечен. Таким образом, стан-

дарт «вне разумных сомнений» как соответствующий осуществляемому в уголовном судопроизводстве реальному процессу оценки доказательств нет оснований противопоставлять стремлению суда (и должностных лиц стороны обвинения) к достижению объективной (по своему содержанию) истины, влекущему при соблюдении требований уголовно-процессуальной формы получение достоверных выводов об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах. Этот стандарт удачно дополняет традиционно рассматриваемое в уголовном процессе континентальной правовой системы в качестве субъективного критерия достижения указанной цели доказывания внутреннее убеждение субъекта доказывания в соответствии объективной действительности полученных им выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления.

¹ Подр.: Мезинов Д.А. О возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 102-103; Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 179-181; Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 84-91.

² Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 33.

³ Там же. С. 51-52.

Дудина Н.А.,

кандидат юридических наук
Межмуниципальное управление
МВД России «Красноярское»

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Согласно данным официальной статистики МВД России (URL: <https://mvd.ru>), в январе 2016 г. выявлены 18 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, сотрудниками органов наркоконтроля – 7,4 тысячи преступлений (-8,2%), сотрудниками органов внутренних дел – 10,4 тысячи преступлений (-17,7%). По сравнению с январем 2015 г. на 8,9% сократи-